

ISTVÁN FENYVESI

„Язык – не дверь в историю, а сама история” (20 век в зеркале русского сленга)

Мысль, приведенная в заглавии (Мандельштам 1991: 247), прослеживается в развитии русского общества 20 в. и на специфическом материале сленга: здесь раскрываются как недостаточно или совсем не „замеченные” нормативным языком явления, так и определенно скрывавшиеся властями слова-оценки. Характерная для сленга гиперсинонимичность (Péter 1999: 33) проявляется во множестве красок для обозначения одних и тех же реалий, в т.ч. и таких оттенков, которые не получают выражения посредством остальных слов нормативной речи, и нередко только в сленговом слове сохранилась память об обозначаемом явлении (см. ниже *бессонник*, *будильник*, *гладиатор*, *селедка*, *танго* и многие другие).

В статье делается попытка рассмотреть некоторую часть лексики нашего *Русско-венгерского и венгеро-русского словаря сленга* (Fenyvesi 2001). Из материала 20 века нами отобраны слова (ок. 1,5% корпуса), непосредственно передающие изменения социального быта и общественно-идеологической сферы, появление которых возможно определить с точностью от одного до двух десятилетий. Эти слова, извлеченные нами из художественной литературы и из периодической печати, как правило, не отражены даже в российских словарях сленга (Феньвешти 1996, 2002; Fenyvesi 1997). Сведения о стилистической окраске, стратификации и (отчасти) этимологии этих слов содержатся в словаре. Обзор словообразовательных средств, применяемых и в рассмотренных ниже словах, дается в одной из наших работ (Феньвешти 2001) в связи с проблемой языковой игры.

Подавляющее большинство этих слов отражает советскую действительность. Отличительная особенность сленга – неподцензурность, независимость от политической конъюнктуры, от сиюминутной разрешенности или запретов и т.д., или *нонконформность* (Péter 1999: 28), позволяет ему быть предельно откровенным: не оглядываясь на официальные препоны, он во все времена и в любых обстоятельствах выражает непосредственную, искреннюю реакцию людей на политические решения, идеологическую атмосферу, репрессивные меры властей и т.д. Благодаря этому сленг может быть сравнен как бы с дневником, который русский народ весь век писал для себя, а теперь, спустя многие десятилетия, по нему мы можем раскрыть как неизвестные ранее стороны жизни, так и мнения о них людей.

С этим связана и определенная динамика развития материала: после 1917 года с каждым десятилетием растет число относимых к этому кругу и поэтому цитируемых нами слов, что в свою очередь отражает все более уве-

личивающуюся со временем оппозицию сознания тоталитарному режиму через резко негативные оценочные слова. (Исключение составляет период Великой Отечественной Войны.)

По всем этим причинам материал статьи в известном смысле может быть отнесен к исторической лексикологии: он открывает такие стороны социальной жизни, которые получили наиболее полное (или даже уникальное) отражение именно в сленге.

Начало 20 века. В художественной литературе начала века зафиксированы, среди многих других, и характерные слова студенческого жаргона *волчий билет* 'исключение из учебного заведения без права поступления в другие' и *белоподкладочник* 'студент реакционного мировоззрения', а из военного (офицерского) – шутовское *бомбах* 'пьянка' и ироничное *вольнопёр* 'волонтер'. В далеких друг от друга социальных слоях возникли *воробей* 'бедняк, питающийся отбросами' и *тоняга* 'стиляга'. В это время начинают употребляться полицейское *нелегалычина* 'запрещенная литература' и слова, употребительные по отношению к проституции – *казенная шкура* 'п-ка из публичного дома', *венеричка* 'уличная п-ка', *булавка* 'деньги на содержание для любовницы' и др.

В среде творческой интеллигенции широкое хождение имеет выражение *витамины Б русской поэзии* – 'плеяда Брюсов, Блок, Бальмонт и Белый'.

В годы первой мировой войны возникают слова, обозначающие неприятеля – *герман* 'немецкий солдат', *голубок* 'немецкий самолет „Taube“', а также сомнительного деятеля тыла *земгусар* 'служащий снабженческой организации'. Своеобразный промысел фронтового досуга – изготовление ложек из алюминиевых деталей осколков снарядов получил отражение в выражении *литейное заведение*.

1917–1920. Революция и гражданская война породили не только ставшие впоследствии нормативно-разговорными *буржуйка* 'металлическая печка-временка' и *керенка* 'бумажные деньги, выпущенные временным правительством Керенского' (наряду с менее известным *ленинка* 'советский рубль'). Сигнификантными должны быть признаны в эти годы директно отражавшие жестокость классовый борьбы многочисленные выражения типа *К Духонину*, *К Николаю* 'расстрелять', и возникавшие в виде ответной народной реакции обозначения представителей власти – *краснюк* 'красный, большевик', *сукомол* 'комсомол', *комса* 'комсомолец' и *комсюк* 'комсомольский вожак', главного органа репрессии – ВЧК в формах как относительно нейтральных *Ве-Че-Ка* и *Чека*, *Лубянка*, так и привносящих в него иронично-смеховые оттенки *Черезвычайка* и *Чересчурка*. Названия страны *Ресепесере*, *Ресепесерия* хоть формально и мало отличались от официального, но ирония просторечно произнесенной формы носила явный отпечаток неприятия.

Среди антропонимов и их дериватов на первом месте стоит сленговая метафорика Ленина *картавий*, *кепка*. (К ним со временем добавятся ироничное *дедушка* и презрительное *Лукич*, высмеивающее одно из известнейших его изображений – памятник у Финляндского вокзала *трёкало на броневичке*

и срывающие покров казенного поклонения *табакерка* – ‘Мавзолей’). В этом ряду заслуживает упоминания *ромовая бабка* – смеховое прозвище большевистского лидера Петрограда Григория Зиновьева, который ухитрился в годы всеобщего голода набрать в весе до безнравственных в этих условиях размеров. Фамилии красных военачальников гражданской войны ‘увекочились’ в сленговых выражениях различного (но как правило ироничного) характера – (прическа) *под Котовского* ‘бритая голова’, *играть в Чапаева* ‘унижать’, *бородка Троцкого* ‘волосы на женском лобке’, *усы Буденного* ‘то же’.

1920-е годы – это прежде всего период нэпа. Главные персонажи времени получают множество прозвищ (*непач* – лишь одно из них), они разъезжают на различных по комфорту и скорости средства передвижения – на *рикше* ‘двухколесная тележка, запряженная в человека’, *хамотрясах* ‘мотоцикл’ и *блядвозках* ‘автомашина’, покупают для своих жен дорогие *шмотки* ‘предмет одежды’ в магазине *Смерть мужьям* (‘существующий поныне салон мод на Невском проспекте’), не боясь инфляции, порождающей цены в *лимоны* ‘миллион’ и *апельсины* ‘то же’.

Из **бытовой** лексики тех лет отметим *бубикопф* ‘модная короткая женская прическа’ (она запечатлена на ряде известных художественных портретов ‘делегаток’ и других функционерок), *ФОН* – *факультет ожидающих невест* ‘шутливое название гуманитарных факультетов’ и глагол *бузотёрствовать*, употребившийся для выражения чрезмерно активного, до наглости поведения.

В новой системе **обучения внуков** ‘ученик младших классов’ учат *шкрабы* ‘учитель’ (сокращение от *школьный работник*, слово, нелепое звучание которого резало слух даже Ленину), рождаются новые обряды, в рамках которых в духе антирелигиозной пропаганды детей не крестят, а *носят октябрьсья*.

В армии вводится головной убор нового образца – буденновка с острым верхом, этот последний вскоре получает у солдат каламбурное название *умоотвод*. Для пополнения нового командного состава организуются краткосрочные курсы подготовки красных командиров. Во флоте таких скороспело подготовленных офицеров иронично называли *красными маршилами*.

Возникают слова для обозначения местных отделений репрессивных органов, как напр., *площадка* в Ленинграде (ВЧК-ГПУ в это время помещается в здании Главного штаба на Дворцовой площади). Ближе к этой теме и название *философский пароход* – высылка за границу в 1922 году по личной инициативе Ленина большой группы ведущих ученых, в результате которой страна почти целиком лишилась независимых мыслителей. В литературной среде возникают прозвища писателей-агитчиков, напр. Безыменского *Безмен*. Широкое хождение получает вслед за Маяковским выражение, оценивающее клуб писателей ‘Дом Герцена’ *Хер цена Дому Герцена!*

1930-е годы. Мотором технической модернизации страны становится наука, а в ней, в числе других, и такие центры как *Капицник* ‘руководимый П. Капицей Институт физических проблем’ и *детский сад папы Иоффе* ‘Ленин-

градский физико-технический институт'. Накачиваемый в условиях индустриализации „спонтанный” энтузиазм масс выражался лозунгом „Даёшь!”, перешедшим в многозначное сленговое слово.

Высокое искусство впервые начинает доходить до масс. Искусство двух выдающихся певцов-теноров – И. Козловского и С. Лемешева породило чуть ли не „секту” их многочисленных поклонниц, прозванных *лемешистками/лемешанками* и *козлистками/козловитянками*. Многие будущие крупнейшие писатели и литературоведы учатся в *красном лице* 'ИФЛИ', где, как и в Литературном институте, преподавали лучшие научные силы. Так, два брата Радциги вели курсы античной литературы (Сергей Иванович) и историю средних веков (Николай Иванович). Благодарные студенты прозвали их *Брадцигами*.

Но народ воспринимал 30-е годы главным образом как время большого террора. Неслучайно, что именно эти годы начинают порождать все растущее число резко оценочных сленговых слов широкого тематического диапазона.

Это прежде всего разные сферы запрета: *абортница* 'женщина, осужденная за аборт', *шайба* 'библиотечная печать во „вредной” книге, не подлежащей выдаче читателям' (начало пресловутого „спецхрана”!), *невидимка* 'цензор'. Возникший в годы насильственной коллективизации глагол *раскулачивать* обретает массовое распространение в значениях 'красть' и 'разбирать на части'. В словах отражаются прямые акты беззакония: *лишенец* 'лишенный гражданских прав из-за социального положения', *басни прокурора Крыленко* 'сфабрикованные политические процессы', не вяжущаяся ни с каким законопорядком деятельность пресловутых „*троек*” (ОСО – Особое Совещание при НКВД), *литерные статьи* 'осуждение членов семей репрессированных'. Вечный страх внезапного ареста породил приготовление миллионами ни в чем неповинных людей *арестантских сумок / допровских корзин* 'мешок с самыми необходимыми на случай ареста предметами'.

Будильник – это, казалось бы, прозаическое прозвище арестованные давали тем курсантам школы НКВД, которые на ночь сменяли ведущих допрос следователей: они здесь готовились по своим учебникам и, чтобы не давать заснуть допрашиваемым, время от времени выкрикивали: „Признавайся!” (Это время им зачитывалось в „производственную практику”). В жаргоне же следователей такие допрашиваемые назывались соответственно *бессониками*. Шум мотора автомобиля или трактора, запускаемого для заглушения звуков выстрела при расстрелах, тюремный сленг окрестил словом *танго*.

В лагерях – местах вынужденного пребывания миллионов людей родился особый сленг. (Проведшему в них 22 года французскому коммунисту Жаку Росси для его регистрации понадобилось два тома: Росси 1991.) В произведениях Солженицына и Шаламова перед нами зримо встают будни лагерей. Слышим, как *начкон* 'начальник конвоя' произносит перед *эсками* 'заключенный' (первоначально 'заключенный каналаармеец на строительстве Беломорско-Балтийского канала 1931–34 гг.') привычно-обязательную мо-

литву 'инструкция' о том, что шаг вправо или влево считается побегом и конвой открывает огонь без предупреждения. Уровень питания в лагерях приводит к превращению заключенных в *доходяг* 'ослабевший до изнеможения больной'. Последним местом их упокоения становится сколоченное наскоро из неотесанных досок подобие 'гроба' – *деревянный бушлат*. Несмотря на безнадежность побега из лагерей, нередко сколачивались группы, рискнувшие совершить его, и тогда они брали с собой *баранов/коров/поросят* – людей, которых в случае безвыходности ситуации съедали, чтобы выжить в многомесячных блужданиях по тайге. (Обилие синонимов говорит о массовости этого явления.) Поимка таких беглецов гарантировалась не только непродоимостью бесконечной тайги и многочисленностью преследовавших *вертухаев* 'охранник', но и *селедкой* – „пищевым разносолом”, охотно раздаваемым в порядке материального поощрения тем жителям Севера и Сибири, кто помогал в этом властям.

В прямой связи с только что описанным укореняются такие названия в различных городах как *Большой/Серый дом* 'здание НКВД', а находившееся в Москве, напротив Кутафьей башни Кремля здание приемной Председателя Президиума Верховного Совета Михаила Калинина неслучайно получает название *Калининская рыдальня*: сюда обращались – чаще безуспешно – за помощью и просьбами о помиловании те, у кого были арестованы близкие.

Официальная пропаганда все достижения страны связывала с именем Сталина, от его фамилии образовывались многочисленные словосочетания официального языка (*сталинская конституция/премия/стипендия* и т.д.) Народная речь также породила такие сочетания: *сталинскими внуками* были прозваны дети, родившиеся в тюрьмах от арестованных матерей, *сталинскими ворами* те, кто крал по нужде, от голода, прозвище *сталинские коровы* получали козы, оставшиеся после обобществления крупного рогатого скота единственными кормильцами во многих семьях. Жившие впроголодь рабочие *сталинским салом* называли редьку. Следы насильственных допросов – синяки, полученные от следователей, арестованные окрестили *сталинскими шлепаками*.

Войне СССР с Финляндией в конце 30-х гг. сленг обязан двумя выражениями, обреченными на долгую жизнь и даже на международную карьеру. Именно тогда советские солдаты стали называть *кукушками* финских снайперов, спрятавшихся на деревьях. А бутылка с зажигательной смесью в те месяцы получила свое название *Молотовский коктейль* от инструкции по его изготовлению, подписанной тогдашним председателем совета народных комиссаров (по-нынешнему премьер-министром) Вячеславом Молотовым.

1941–45. Годы Великой Отечественной войны разносторонне обогатили русский сленг.

Главной его сферой была фронтовая, боевая обстановка. Бронпоезда под ласкательным солдатским названием *Борис Петрович*, как реликты с гражданской войны, когда они еще могли играть не только устрашающую роль, вскоре после начала войны уступили место танкам, которые теперь уже

никто не обзывал презрительно *таньками*, как прозвали (вслед за Демьяном Бедным) их тяжеловесных, малоодвижных предков в 1916–1920 годах. Как наиболее употребительные в жизни, и в сленге на первые места выдвинулись *булочка* ‘ручная граната’ и *папаша* ‘автомат „ЛПШ“’. Грозные гвардейские реактивные минометы получили ласковые русские названия (сначала) *ванюша*, затем (окончательное) *катюша* потому, что имелись только у Красной Армии. Много названий заслужил легкий, неприхотливый самолет „У-2” (*жеросинщик, кукурузник, огородник, уточка*). (В свою очередь своим внешним видом, а также устрашающим ревом „Junkers 77” противника снискал солдатские клички *лапотник* и *визгун*.) Мощная осветительная ракета, сбрасываемая на парашюте, была обозначена как *фонарь*, а стратостраты воздушного заграждения – как *колбаса*. Осужденные на расстрел – *робинзоны/гладдиаторы* оставались живыми лишь до тех пор, пока могли увертываться от штыков солдат внутренних войск, упражнявшихся на них по ведению рукопашного боя.

Характерно для политико-морального климата войны именно как Отечественной почти полное отсутствие в этой среде критической струи, усилившейся в 30-е гг.: словоформы *особист/особияк* ‘офицер особого отдела, контрразведчик’ одни из немногих в этом ряду.

В сленге фронтового быта отражается и антифашистский союз с англосаксонскими державами (американские мясные консервы *второй фронт* и улыбка *Рузвельта* – незаменимая часть питательного рациона советского солдата), и традиционно применявшийся алкогольный „доппинг” солдат перед агакой: то, что до и во время первой мировой войны называлось *царской чаркой*, в новых условиях именовалась уже *наркомовскими ста граммами*. Солдатский юмор в госпиталях окрестил раненых с загипсованными плечами *самолетами*. Для шутивно-завистливого обозначения любовниц командиров из числа женщин-военврачей, медсестер и т.д. родилось эвфемистическое выражение *походно-полевая жена* (и его сокращения *пжж, пепеже*). Солдаты же были вынуждены довольствоваться *заочницами* – девушками в глубоком тылу, которые охотно переписывались с фронтовиками.

Из „юмора висельников” ленинградской блокады упомянем хотя бы *суп с клёцками* – так моряки называли густо начиненное минами Балтийское море, *граммики* – ‘пак хлеба в 125 граммов’, *память летнего сада* – ‘мелко истолченная древесная кора’, которая блокадникам заменяла махорку.

Тыловой быт обильно порождал негативные моральные явления. Злоупотреблявших своим положением для обогащения называли хлесткими словечками *блатмейстер* и *торгсиньор*. Писательский жаргон сохранил „табель о рангах” военного времени, которая выражалась наличием у различных категорий (в соответствии с наградами и т.д.) продовольственных карточек с различными буквами (литерами) – *литер-ака, литер-бетер, литер-бяка*.

Борделем им. Черчилля народ Мурманска окрестил публичный дом из местных женщин, созданный для английских моряков, привозивших ценой огромных жертв союзническую помощь в виде военной техники. (В историю

сленгового выражения уже не входит страшный факт судьбы его „кадров”: в конце войны весь обслуживающий персонал был посажен Советами на баржи и утоплен в Белом море. На основе сохранившихся документов об этом сейчас снимает художественный фильм один из ведущих русских режиссеров.)

1945–53. Выражение *Процай, молодость* поведало о нерадостной жизни той части (молодых) **фронтников**, которых после Победы не демобилизовали, а оставили служить „законные” три года, в частности, на Чепельском острове (словосочетание означает именно его, а точнее, гарнизон и аэродром с. Тёкёл). Известна судьба сотен тысяч солдат, попавших в фашистский плен в первые месяцы войны, за что после ее окончания оставшиеся в живых были отправлены уже в „свои”, советские лагеря, где их называли *военными* или *вожаками*.

Автор этих строк и спустя полвека помнит потрясшее его в конце 1949 года зрелище: на людных улицах Ленинграда то и дело попадались инвалиды без ног, передвигавшиеся на досках с колесиками. Их звали *тачками*, *утюгами* или *кожаными жопами*. И вдруг они все исчезли. Только многие годы спустя мы узнали: после 70-летия Сталина, чтобы не портили вида в городах, „строющих коммунизм”, они, вместе с *самоварами* – человеческими обрубками без рук и ног были свезены со всей страны на остров Валаам, и там доживали свой век...¹

В слове *выборщик* сохранился зловещий образ партийного агитатора, который в дни выборов сгонял народ на избирательные участки для достижения стопроцентной явки, и тем самым – создания видимости всенародной поддержки политики Сталина. Идеологическую атмосферу послевоенных лет, ознаменовавшихся ужесточением преследования творческих работников (ждановщина, борьба с „космополитизмом” и т.д.), метко характеризует „*Александровский централ*” „газета „Культура и жизнь”” – где в один узел сплетаются фамилия всемогущего начальника агитпропа ЦК Г. Александрова и название воспетой в народных песнях царской тюрьмы, построенной еще в 18 веке недалеко от Иркутска.

Голодный послевоенный быт обогатил сленг множеством суровых словечек. Таковы *котенок* ‘пирожок с мясной начинкой подозрительного происхождения’ и зажившее новой жизнью слово 19 века *собачья радость* ‘самая дешевая вареная колбаса’.

Возведенные по указанию Сталина **высотные здания** в Москве получили в народе разные прозвища. Из шутливых упомянем *сталинский торт* и *сталинскую готику*, не умолчав, однако, и об *ампуре во время чумы*, где одновременная аллюзия на масштабы и на название известной маленькой траге-

¹ С того же времени помнится и один венгерский *утюг*: потеряв ноги на первой мировой войне, он до конца своей жизни занимался чисткой обуви в самом центре Будапешта, недалеко от тогдашнего филфака, на углу *Múzeum körút* и *Bródy Sándor utca*. Он стал там как бы частью столичного ландшафта: его смерть в 80-х годах была отмечена даже в одной из газет.

дии Пушкина указывает на трагический контраст между помпой форм и нищей народ.

Многочисленные прозвища Сталина, возникшие еще в 30-х годах и высмеивающие его внешность *Гуталин, Рябой, Таракан, Чурка*, снижающие его имя через уничижительную форму *Ёська*, развенчивающие претензии на высший авторитет в науках *Корифей Наукович*, осуждающие его бесчеловечность *Людоед* и др. буквально озвучиваются в радостных криках лагерников в марте 1953 года. Старый зек вспоминал одно из них: „Когда умер Сталин, тысячные зоны скандировали, наводя тоску на окрестности: – Ус – сдох! Ус – сдох! – с выдохом на второе слово”.

1953–64. В сленге этого десятилетия („оттепели”) немало слов посвящено политическому лидеру – десталинизатору Никите Хрущеву, ставшему и главным персонажем фольклора этих лет. Его лысина вызвала к жизни выражение (*прическа*) *под Хрущева*, а принудительное культивирование им кукурузы (в параллель Екатерине II и картофелю) – *Никиту Кукурузника*. Самые же долговечные – это „памятники” начатому при нем поистине массовому жилому строительству, когда миллионы людей впервые получили отдельные квартиры – *хрущобы/хрущёвки*. Это при нем был построен Кремлевский дворец съездов – *стиляга среди бояр*, начато возведение *книг* – зданий на проспекте Калинина (*Калинке*, ныне Новый Арбат), получивших в совокупности прозвище *вставная челюсть Москвы*.

Увеличение производства предметов народного потребления (напр. телевизоров, хотя еще не очень качественных, см. *КВН – Купил, Включил, Не работает* <собственное значение аббревиатуры: Клуб веселых и находчивых, kb. Ki mit tud?>), начало их импорта (туфли на микропористой подошве *манная каша*, а также *румынки* ‘короткие зимние женские сапожки’), разрешение джазовой музыки (правда, ее записывают еще нелегально и домашним способом, на старых рентгеновых снимках – *ребрах*), появление в кафе *меломанов* ‘музыкальный автомат’ – все это люди поныне связывают с реформаторской деятельностью Хрущева.

К этому же времени восходят и сленговые обозначения двух реалий внешнеполитического порядка. Из недавно опубликованной военной повести мы узнали, что военно-морская база в Порккала-Удд, арендованная на 25 лет у маленького северо-западного соседа, в армейском жаргоне (явно вслед за просочившимся вниз *von mot* какого-нибудь высокого армейского начальника) носила название „*пистолета, приставленного к виску Финляндии*”. В этой же связи получил прозвище „*самый длинный туннель мира*” участок железной дороги Хельсинки–Турку, проходивший по территории базы, где во время хода поезда окна всех вагонов плотно закрывались снаружи дощатыми щитами.

1964–85. Различные стороны быта отмечены в названиях модных женских причесок *взрыв на макаронной фабрике, вишивый домик, конский хвост*, в глаголе *строиться* (‘втроем объединяются для совместного распития бутылки водки’), в тесно связанном с этим последним шутливым „термине”

лигрель 'индивидуальная мера опьянения (литр x градус / рьло)', прозвища доступных простому человеку автомашин *жигуленок, жоппорожец, москаль*, рожденный хронической нехваткой гаражей *подснежник* 'автомобиль, проводящий всю зиму вне гаража'.

Не во всех словах, обозначающих определенные здания современной архитектуры (или их типы), заключены оценочные суждения. *Спичка* или *свечка*, напр., указывают лишь на их высоту, а *валенки, подкова* и *чулок* на форму и протяженность, зато *зуб мудрости* для жителя *Владика* 'Владивосток' или *божий перст* для свердловчанина уже содержат иронию: им известно, что там расположен обком КПСС (а после 1991 г. — администрация губернатора). Для типовых современных зданий обкомов и райкомов во многих городах одновременно возникли ироничные названия *рейхстаг* и *бундестаг*. Неприятие чуждых архитектурному окружению форм звучит в таких, напр., названиях как *крематорий* и *морг* 'здание нового МХТА на Тверском бульваре'. Сленговые топонимы жилых районов *Колорадское* 'Крылатское', *Новогонореево* 'Новогиреево', *Паскудниково* 'Бескудниково' и др. осуждают мало оправданную растянутость Москвы и огромные расстояния от окраин до центра.

Появившееся в эти годы слово *высидка* засвидетельствовало упадок трудовой морали: достаточно было лишь формальное присутствие на работе (жалованье за такой труд не случайно получило самокритичное название *зряплата*), хотя многие были готовы имитировать и бурную деятельность (такие по начальным буквам этих трех слов назывались *ибедешниками*). Пичтожные доходы толкали людей на воровство продуктов, инструментов и т.д. по месту работы, и характерно, что общественность оценивала таких людей всего лишь как *несунов, таскунов*.

Все более хроническая нехватка продовольствия и безуспешные попытки ее преодоления властями увековечены не только в таких выражениях как *экскурсия* и *колбасные поезда* ('организованные предприятиями поездки для своих работников в Москву за едой'), но и в том, что возникшее в годы войны и с тех пор ставшее нормативным слово *авоська* в эти годы звучит уже как *нихренаська*. Алкоголизм, на котором, по некоторым данным, держалась половина советского госбюджета, стал приобретать уже масштабы национально-генетической трагедии. Это прослеживается в сленге по десяткам „толстых нитей”: по полсотне синонимов понятия выпивки (*бутыльбол, дринч, кирянство, пикник по-русски, поддавон, шумство* и т.д.) и около 300 — глагола *выпить* (*алкашить, принимать вес на грудь, загрузить, остаканиваться, синячить, хряснуть, шандарахнуть* и др.), почти ста названий водки (*белоглазая, водяра, колос Америки, нарзан с домами, православная, кровавая слеза пролетариата, сороковка* и пр.) и 40 — т.н. портвейна, множества обозначений „посуды” (по хронологии от *рыковки* до *андруповки* и *раиски* и по калибру от *ампулы* до *гитлера* и *фауст-патрона*).

О росте всеобщей системы протекции и взяточничества говорит обобщение приемных экзаменов в вузах как *конкурсов родителей*, а абитуриен-

тов как *позвоночников* (поскольку за них позвонили сверху), возникновение десятков синонимов для взятки, даваемой, напр., дорожному милиционеру.

Всемогущество репрессивных органов, прежде всего КГБ, прослеживается также по нескольким линиям. Это и многочисленные названия его сотрудников – *глубешник, говорящий пиджак, двое в штатском, кепарик, комод, куртка* и др., и богатая синонимика обозначения самой организации – *бюро, гебешка, комитет, соседи* (в т.ч. и с помощью слов-мимикри типа *Галина Борисовна*). Его руководители – тайно-явные серые кардиналы эстаблишмента – всегда удостоиваются оценочных сленговых прозвищ – от Александра Шелепина (*Железный Шурик*) до Юрия Андропова (*Юрка*) и Владимира Крючкова (*Керубино*).

О положении в литературе говорит не только „термин” *секретарская литература* ‘бесцветные, никем не читаемые произведения литфункционеров, издаваемые массовыми тиражами’, но даже названия некоторых печатных органов. Здесь на одном полюсе *Вопли* – один из немногих, сумевших остаться профессиональными литературоведческих журналов „Вопросы литературы”. На другом – *Лижі* ‘„Литература и жизнь”’, несущий смеховой намек „словесный портрет” официозной газеты. Таковы и прозвища, даваемые многим писательским домам в *Перебзделкине* ‘Переделкино’ – *Спас на крови / на цитатах*. Известное с начала 20 в. выражение *черная сотня* в эти годы обретает вторую жизнь для обозначения всегда верноподданной писательской организации РСФСР. С легкой руки поэта Николая Глазкова общеупотребительным стало слово *самиздат*, а после процесса над Синявским-Терцем и Даниэлем и *тамиздат*. В кинематографических кругах для запрещенных фильмов и их авторов появилось выражение *положить на полку* и слова *полочник/полковник*.

Отношение властей к изобразительному искусству, не разделяющему доктрины соцреализма, выразилось в событии 1974 года, получившем название *бульдозерная выставка*. Монументальный дуэт Мухиной у входа в бывший ВДНХ на устах молодежи в результате перефразировки названия популярной в свое время кинокомедии стало называться *Свинарка и пастух*. Памятник Гагарину получил сразу два прозвища – *Штопор* и *Железный дровосек*. Неизбежно было, чтобы гигантская женская фигура, обезобразившая (по личному вкусу и указанию Брежнева) Владимирскую горку в Киеве, рано или поздно получила обценную по аллюзии кличку *клёпаная мать*.

Все более презираемый лидер времен застоя (в сленге – *застолья*) и по этой же причине популярнейший „герой” анекдотов Леонид Брежнев заслужил максимальное среди советских деятелей после Сталина количество сленговых прозвищ, выражавших уже не добродушный (как у Хрущева), а презрительно-ядовитый и даже злой смех. Такие как *Брови, Бровастый* имеют в виду вроде бы еще только внешность, а в *Броненосце в потёмках* звучит уже открытое издевательство над генсеком, не знающим истинного положения вещей в стране; если *Лёнька* просто панибратское, неуважительное прозвище, то *геронтосек* и *Неолит Ильич* говорят уже о значительно большем,

чем его по гтенный возраст. Вокруг него создавался целый словесный карнавал: о его шепелявом произношении (*сиськи-масиськи* – так он произносил слово *систематический*, сближая его – в сленговском восприятии – с просторечным обозначением женской груди), о написанной литературными неграми, но „заоевавшей” лично для него литературную (!) Ленинскую премию „автобиографической трилогии” (*Материк „Большевик”*), о его „завсегдатайстве” в вечернем тележурнале („*Всё о нем и немножко о погоде*”), о строительстве при нем Байкало-Амурской Магистрала (псевдо-аббревиатура *БАМ = Брежнев Абманул Молодежь*). Его любимец и пресмник К.У. Черненко отстал от него только по числу посвященных ему кличек, но по силе характеристики это вполне компенсируется тремя его прозвищами, возникшими в партийной (!) среде *Буфетчик*, *Кучер* и *Открывашка*.

В том же ряду стоит и родившийся в кабинетах МИДа Андруша для так и не преодолевшего белорусский деревенский акцент Андрея Громыко.

Рост недовольства плохо скрывааемым курсом КПСС на ресталинизацию отразился в усилении оппозиционных настроений. Все большее число интеллигенции подписывало письма-протесты против репрессий властей (*подписанты*), уходило в инакомыслящие – *диссиденты* (в *дисиду*), участвовало в *хельсинках* ‘группа по защите гражданских прав’. Многих из них власти лишали возможности ездить за границу (*невыездные*), заключали в тюрьмы (*сиденты*, *отсиденты*) и подвергали принудительному „лечению” в *психушках* ‘психиатрическая лечебница’ (*принудчики*). Самые отважные стали *невидимками* – помощниками крупнейших инакомыслящих *Солжжа/Исаича* ‘А.И. Солженицын’ и *Сахарочка/Шугера* ‘А.Д. Сахаров’. В случае редких *загранок* ‘выезд за границу’ многие из них оставались там – *уходили в невозврат*. Политическая эмиграция стала массовым явлением, *законпункты* (‘ОВИР’) не справлялись с потоком уезжающих.

Навязанная народу война в Афганистане (*Афгане*, *Афгани*) против повстанцев-муджахедов (*духов*) привела к гибели десятков тысяч *афганцев* ‘советский солдат, боровшийся в А-е’, тела которых привозили домой регулярно курсировавшие между Кабулом и Душанбе „похоронные самолеты” *черные тюльпаны*.

Подлинное отношение народа к властям выражали не миллионы пропагандистских транспарантов и щитов (вроде „Партия и народ – едины!” или „Решения XXIII съезда – одобряем!”), а хлесткие слова в адрес, напр., ленинградского отделения ТАСС *блевотная параша* или *Совраска* (с корнем *врать*) для газеты „Советская Россия”, клеймящее (через намек на зоологическую особенность) членов партии *беспозвоночник*, *съездюк* ‘участник партийных съездов’, образованный по аналогии с *говнюк*, ироничное *Царское село* ‘дача функционеров’ и несущее обценную аллюзию *членовоз* ‘автомобиль „Чайка”’. Ядовитейший *трупопровод* ‘участок пути между Колонным залом Дома Союзов (где устанавливались гробы высших руководителей) и Мавзолеем (рядом с которым их хоронили)’ возник под впечатлением телезрелища проходивших друг за другом за короткое время трех генсековских похорон.

1985–91. Михаил Горбачев как знаковая фигура этого периода окружен заметным сленговым „ореолом”, в который входят не только привычное обыгрывание фамилии (*Горбатый, Горбач*), но и запомнившиеся детали внешности (*Мишка меченый*, в т.ч. и ироничное *Кудрявый*), проводившаяся в первые годы его правления антиалкогольная (*антипьяная*) кампания (*генсок, Лимонадный Джо, минеральный секретарь*, сюда примыкает и *Мишкин хвост* ‘длинная очередь за водкой’), а главное – провозглашенное им „новое мышление” (*товарищ компромисс*).

Характерно появление в эти годы еще одного антропонима – первого папы римского-славянина Иоанна Павла II: в русской сленговой среде он стал „русским” *Иваном Павловичем*.

Политическая борьба и уличные демонстрации к известным ранее обозначениям милицейской дубинки *воспитатель, наташа и татьяна* вызвали к жизни такие как *аргумент, демократизатор* и др.

Происшедшая в первые годы перестройки чернобыльская трагедия, последствия которой пытались уменьшить с помощью *аистов* ‘ликвидатор’, привела к гибели и болезни многих тысяч человек, в т.ч. и детей-лампочек, которые „светились” от страшной дозы. Сотням тысяч жителей зараженных радиацией районов Украины и Белоруссии стали выплачивать ничтожные суммы „за вред”, названные народом *смертными*. Многие из эвакуированных жителей этих районов стали *самосёлами* возвращаться в свои родные места.

Оживление экономики в связи с ослаблением государственного контроля вызвало к жизни (в те годы еще достаточно слабый) частный сектор с его *индивидуалами, итедешниками* (от *индивидуальная трудовая деятельность*), *теневиками* (от *теневое хозяйство*), *цеховиками* (все в значении ‘предприиматель’). Обесценение рубля, окрещенного по этой причине *деревянным*, и внутри страны утвердило ведущее положение доллара США как параллельной валюты и увеличило число его сленговых обозначений (*баксы, зеленый/зелененький/зелень* и т.д.). Массовой профессией стала валютная проституция (*интердевочка*).

Ослабли запретительные меры, применявшиеся ранее по отношению к западной масс-культуре (известно: пресловутые *музыкальные патрули* 60–70-х гг. в составе работников милиции и активистов комсомола ходили по танцплощадкам, чтобы препятствовать распространению поп-музыки), и это, в частности, привело к широчайшей известности музыки битлов (*битлей* – *Гриши* ‘Ринго Старр’, *Жени Ленина* ‘Джон Леннон’, *Паши* ‘Поль Мак Картни’ и др.)

Постепенное разрушение некогда всемогущего партийного аппарата породило в эти годы выражение *приготовить себе запасной аэродром* – ‘уйти из партийного аппарата в неплохо оплачиваемое, но свободное от политики место работы’.

Конец этого короткого периода отмечен появлением другой знаковой фигуры – *Белого кита* Бориса Ельцина.

1991 год – рубеж между последним советским десятилетием и началом новой, демократической России. Три августовских дня (19–21) провалившегося коммунистического путча – ГКЧП – породили не только слова от этого сокращения *гекачепист/путчист*: именно в эти дни за Домом правительства РСФСР на Краснопресненской набережной, ставшим штабом всенародного сопротивления, закрепилось название *Белый дом* (его защитники – *белодомники* 21-го вечером, приветствуя конец путча, скандировали в сотни тысяч голосов: „*Пи-здец!*“ „*Пи-здец!*“), а государственным флагом новой страны стал традиционный бело-сине-красный – *бесик*.

1990-е годы. Распад СССР, образование суверенных государств – России (*Черномырдя*), Украины (*Хохландия, Купония*) и др. привели к введению новых денег – *борискиных, кравчучек/хохлобаксов, зайчиков* ‘белорусский рубль’ и даже *суворинов* ‘рубль, действующий в самопровозглашенной Приднестровской Молдавской Республике со столицей в Тирасполе’, которые, однако, вскоре обесценились, и (все) стали называться *фантиками*.

В политической жизни появились новые силы – *демороссы* (от *Демократическая Россия*), *яблочники* ‘объединение „Яблоко“’, *трудовики/трудоороссы* ‘коммунисты „Трудовой России“ Ампилова’ и даже, правда, вне парламента, „свой” *фашики* ‘русские фашисты’.

На выборах в Государственную Думу вначале большинство завоевали коммунисты – *бывшевики*. Они всячески препятствовали прохождению новых законов, что дало повод обозвать Думу первого созыва *Совковым чудильником*, а ее депутатов – *думаками*.

О том, что начинавшийся в экономике процесс приватизации и в России давал обильную возможность для нелегального обогащения, говорит появление буквы *х* (и вместе с ним корня *-хват-*) в слове *прихватизация*. В первые годы на реальный рынок ринулись и *ездучий голландец* ‘владелец незарегистрированного киоска’, который для избежания палогов время от времени перекочевывает в новое место, и *цигарка* ‘старушка, продающая сигареты’ у входа в метро: таких для взимания небольшого штрафа, но скорее для острастки во время устраиваемых облав собирал *печальный автобух* – ‘милицейская машина’.

Рыночная экономика стала строиться прежде всего на мелких предпринимателях-торговцах под самыми различными названиями – *сумчатых/баульных туристах/челноках* ‘торговец, привозящий товар из Китая, Турции и др’. Широко внедрялись *сиськи-липиськи* ‘совместные предприятия’ (фривольный оттенок компонентов – ‘женские груди’ и ‘женский половой орган’ – выражал определенную долю недоверия к ним). Расцветает деятельность шантажирующих банд рэкетиров для сбора охранных денег – *налога, оброка, подати*.

Вид городов теперь уже не полон без вывесок *маков* ‘Макдональдс’, работа людей в конторах и дома неотделима от *компиков* ‘компьютер’, *емели* ‘электронная почта’ и *сетки* ‘интернет’, в их повседневный быт вторгаются *видак* ‘видеомагнитофон’, *волнуика* ‘электроволновая печь’ и *внедорожник*

‘джип’. Под влиянием новых социальных условий, современной техники и изменения мышления многие вчерашние *совки* ‘homo sovieticus’ постепенно превращаются в *новых русских* ‘и.увориш’.

Молодежь отдается развлечениям по своему вкусу – кто *фанатеет* ‘увлечься’ от *хардядины/тяжмета* ‘hard gosc’, кто – от *рэпака* ‘рэп’.

Сленговыми антропонимами одариваются не только свои деятели – *Жирик* ‘националист и балагур Жириновский’, *Зюгашвили* ‘лидер коммунистов Зюганов’ или *Витька* – *смерть рублю* ‘директор Госбанка Виктор Геращенко’, но и европейские лидеры *Коля* ‘Гельмут Коль’ и *Митя* ‘Франсуа Миттеран’, и даже американские президенты: кто за гуманитарную помощь в виде *ножеск Буша* ‘куриные окорочка’, кто за дружеское отношение к своему российскому коллеге как *Блин Клинтон / Клин Блинтон*.

Из сленгового переименования названий произведений искусства последнего времени укажем на смеховое обозначение вызвавших споры по своим художественным достоинствам памятников – Победы на Поклонной горе *пьяной мухи* (она же *девушко на игле*) и Петру Первому в Москве *Петр Церетелич* (отчество образовано от фамилии скульптора Зураба Церетели), а также возведенного в рекордные сроки главного собора столицы благодаря усилиям московского мэра Юрия Лужкова – *Храма Лужка-спасителя*.

Завершаем свой обзор словом 2000 года *генерал-губернатор*: в советское время так за глаза называли первых секретарей обкомов, а в настоящее время это переосмысленное „звание” прилепилось к семи полномочным представителям президента во вновь созданных федеральных округах.

ЛИТЕРАТУРА

- Мандельштам, О. 1991, *Собрание сочинений в 4 томах. Т. 2*. Москва: Терра.
- Росси, Жак 1991, *Справочник по ГУЛАГу. Ч. 1–2*. Москва: Просвет.
- Феньвеш, И. 1996, Современные словари русского сленга. *Studia Slavica Savariensia* 1–2, 189–205.
- Феньвеш, И. 2001, Русский сленг как языковая игра. В кн: *Papp Ferenc akadémikus 70. születésnapjára. Barátok, pályatársak, tanítványok tanulmányai, visszaemlékezései*. Szerk.: T. Molnár István és Klaudy Kinga. Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadó.
- Феньвеш, И. 2002, Современные словари русского сленга (2). *Studia Slavica Savariensia* (в печати).
- Fenyvesi, István 1997, Az orosz szleng és kutatása. In: *A szleng kutatás útjai és lehetőségei*. Szerk.: Kis Tamás. Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadó.
- Fenyvesi, István 2001, *Orosz–magyar és magyar–oroszlengszótár*. Budapest: SYCA Kiadó.
- Péter, Mihály 1999, „Húsz év múlva” (Régebbi és újabb gondolatok a szlengről). In: *Mi a szleng? Tanulmányok a szleng fogalmáról*. Szerk.: Fenyvesi Anna, Kis Tamás, Várnai Judit Szilvia. Debrecen: Kossuth Egyetemi Kiadó.